

Дмитрий Мережковский

Микеланджело

Итальянские новеллы

Дмитрий Мережковский

Микеланджело

«Public Domain»

1890-е

Мережковский Д. С.

Микеланджело / Д. С. Мережковский — «Public Domain», 1890-е — (Итальянские новеллы)

Д. С. Мережковский – выдающийся русский и европейский писатель Серебряного века, поэт, романист, драматург, критик, религиозный философ. Вниманию читателей предлагается цикл его новелл, написанных в духе итальянского Возрождения.

Содержание

I	6
II	8
III	10
IV	12
V	14
VI	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дмитрий Сергеевич Мережковский

Микеланджело

*Тебе навеки сердце благодарно,
С тех пор, как я, раздумием томим,
Бродил у волн мутно-зеленых Арно,
По галереям сумрачным твоим,
Флоренция! И статуи немые
За мной следили; подходил я к ним
Благоговейно. Стены вековые
Твоих дворцов объяты были сном,
А мраморные люди, как живые,
Стояли в нишах каменных кругом:
Здесь был Челлини, полный жаждой славы,
Бокаччио с приветливым лицом,
Макиавелли, друг царей лукавый,
И нежная Петрарки голова,
И выходец из Ада величавый,
И тот, кого прославила молва,
Не разгадав, – да Винчи, дивной тайной
Исполненный, на древнего волхва
Похожий и во всем необычайный.
Как счастлив был, храня смущенный вид,
Я – гость меж ними робкий и случайный,
И, попирая пыль священных плит,
Как юноша, исполненный тревоги,
На мудрого наставника глядит, —
Так я глядел на них и были строги
Их лица бледные, и предо мной
Великие, бесстрастные, как боги,
Они сияли вечной красотой.
Но больше всех меж древними мужами
Я возлюбил того, кто головой
Поник на грудь, подавленный мечтами,
И опытный в добре, как и во зле,
Взирал на мир усталыми глазами;
Напечатлела дума на челе
Такую скорбь и отвращенье к жизни,
Каких с тех пор не видел на земле
Я никогда, и к собственной отчизне
Презренье было горькое в устах,
Подобное печальной укоризне.
И я заметил в жилистых руках,
В уродливых морщинах, в повороте
Шiroких плеч, в нахмуренных бровях —
Твое упорство вечное в работе,
Твой гнев, создатель Страшного Суда,
Твой беспощадный дух, Буонарроти.
И скукою бесцельного труда,
И глупостью людскою возмущенный,
Ты не вкушал покоя никогда.
Усильем тяжким воли напряженной
За миром мир ты создавал, как Бог,*

*Мучительными снами удрученный,
Нетерпелив, урюм и одиноч.
Но в исполинских глыбах изваяний,
Подобных бреду, ты всю жизнь не мог
Осуществить чудовищных мечтаний
И, красоту безмерную любя,
Порой не успевал кончать созданий.
Упорный камень молотом дробя,
Испытывал лишь ярость, утоленья
Не знал вовек, – и были у тебя
Отчаянью подобны вдохновенья:
Ты вечно невозможного хотел.
Являют нам могучие творенья
Страданий человеческих предел.
Одной судьбы ты понял неизбежность
Для злых и добрых плод великих дел —
Ты чувствовал покой и безнадежность.
И проклял, падая к ногам Христа,
Земной любви обманчивую нежность,
Искусство проклял, но, пока уста
Без веры Бога в муках призывали,
Душа была урюма и пуста.
И Бог не утолил твоей печали,
И от людей спасенья ты не ждал:
Уста навек с презреньем замолчали.
Ты больше не молился, не роптал,
Ожесточен в страданьи одиноком,
Ты, ни во что не веря, погибал.
И вот стоишь, не побежденный роком,
Ты предо мной, склоняя гордый лик,
В отчаяньи спокойном и глубоком,
Как демон – безобразен и велик.*

I

Весною тысяча пятьсот шестого года в Риме половина площади перед древнею, еще не перестроенною, базиликою св. Петра была завалена громадными глыбами каррарского мрамора: они искрились на солнце, как белые груды только что выпавшего снега с голубыми тенями. Каждый день морем до Остии, потом по Тибру к выгрузной пристани Рима приходили все новые и новые барки с мрамором. Сваленные глыбы громоздились до церкви Санта-Катарина и между церковью и тем узким коридором, который ведет из дворцов Ватикана в крепость Св. Ангела. С утра до вечера скрипели колеса тяжелых повозок, запряженных быками и буйволами, раздавались крики погонщиков, стучали молотки каменщиков.

Римляне, которые с древности славятся жадностью к зрелищам, толпами собирались в Борго, чтобы любоваться на эти величественные приготовления. По городу ходили разные слухи, но достоверно было одно: новый папа Юлий II заказал флорентинскому ваятелю и зодчему Микеланджело Буонарроти гигантскую гробницу, какой не удостоивались ни императоры, ни великие полководцы древности. На высоте трехъярусного мавзолея, окруженного кариатидами, аллегориями всех искусств и наук, мраморными колоссами и титанами, среди которых должен был восседать подобный чудовищному двуроному демону длиннобородый гигант, разгневанный, готовый разбить скрижали Моисей, вознесутся два изваяния: исполин-

ская Кибела, богиня Земли, плачущая о смерти папы, и ликующая о его переселении в лучший мир Урапия – владычица Неба, они будут поддерживать гроб Юлия. Благочестивые люди находили кощунственным подобный замысел – две языческие богини, несущие на руках своих саркофаг наместника Христова, служителя того Бога, который пожелал родиться, как нищий, на соломе, в приюте пастухов, чтобы проповедовать людям любовь к бедности. Для новой гробницы старая базилика Петра, древняя святыня христианского мира, оказывалась малой и тесной: Юлий, желая построить новую, более просторную и пышную, не задумался разрушить тысячелетние стены храма, основанного во времена Константина Равноапостольного. Он поручил это дело своему любимцу, человеку на все готовому, расторопному и угодливому – Браманте из Урбино, бывшему придворному архитектору герцога Лодовико Моро.

Когда однажды старый поселянин из Кампани, несколько лет не бывавший в Риме, зашел в церковь св. Петра помолиться и увидел, как низвергнута и опозорена древняя святыня, он не мог удержаться от слез. Пыль столбами подымалась между деревянными лесами. На груды извести, мусора и щебня навалены были обломки порфировых колонн; гробницы древних святителей церкви Христовой были разрыты, и прах костей их развеян по ветру; мозаики, над которыми работали поколения искусных мастеров, были разбиваемы молотками поденщиков, и жалко было смотреть, как их нежная, драгоценная чешуя осыпается под ударами каменщиков. Браманте ничего не жалел, ни перед чем не останавливался. Новые люди закладывали основание нового храма.

Угождая своеволию папы, архитектор заставлял рабочих готовить известь и кирпичи, обмазывать цементом куски травертина¹ ночью при свете факелов, чтобы днем, на глазах Юлия, как бы волшебством вырастали из-под земли новые стены: чудотворный строитель мало заботился о прочности, только бы обмануть нетерпение своего повелителя.

Папа торопил ваятеля не меньше, чем зодчего. Римляне указывали друг другу на подъемный мост за церковью Санта-Катарина, соединявший коридор Ватикана с домом и мастерскою Микеланджело: Юлий во всякое время дня и ночи, никем не замеченный, мог приходить к художнику, беседовать с ним наедине и следить за его работой. Прелаты и кардиналы завидовали пришельцу, флорентинскому «выскочке», каменотесу, которому первосвященник оказывал такие милости.

Надолго ли? У Микеланджело опасные враги: хитрый Браманте нашептывает папе злые речи и старается охладить его к мавзолею. Ему удалось оттеснить от постройки собора Джулиано ди Сан Галло, призвавшего Буонарроти к римскому двору; теперь очередь за Микеланджело.

¹ травертин (известковый туф) – легкая пористая горная порода

II

Однажды в начале апреля, в тихое солнечное утро, из тех, какие бывают в Риме, когда в городе пахнет свежестью окрестных полей и к небу возносится, как пение, звон колоколов, двое каменщиков вели беседу, сидя за работой среди белых обломков мрамора. Один был старый генуэзец, по имени Грилло, из небольшого местечка Лаванья, к северу от Каррары, где Микеланджело нанял лодочников и гребцов, чтобы перевозить камень в Рим, другой – юноша, по имени Чопполи, каменотес из флорентийского предместья Сентиньяно.

– Что, как вино у моны Пипы? – произнес Грилло, постукивая молотком и щуря от мраморной пыли и солнца воспаленные веки.

– Сказать правду – кислятина. Мона Пипа такая же пройдоха, как все эти трактирщицы. Но есть у нее просоленная рыбка – как ее наешься, то так захочется пить, что, кажется, вылакал бы целый монастырский погреб, и уж всякое вино тогда покажется вкусным... Ничего, мы вчера изрядно напились, еще сегодня голова трещит. Подлеца Амброджо за ноги вытащили из-под лавки. Весело было. Пойдем-ка сегодня, куманек, к моне Пипе. Будешь доволен.

– Куда мне, старику! – тяжело вздохнул Грилло. – Ты человек холостой, одинокий, у тебя мысли веселые, а у меня на сердце кошки скребут. Дома, в Лаваньи, жена да две дочери на выданьи. Может быть, они без меня уже с голоду померли или по миру пошли, если только, не дай Бог, чего-нибудь хуже не приключилось. Долго ли до греха с молодыми девками. Эх, поскорее бы домой, право. И чего нас держат? Получить бы деньги по расчету...

– Ну, нет, братец, деньги ты не так-то скоро получишь. Теперь у хозяина денег мало, и Бог знает, когда будут.

У Грилло вытянулось лицо, маленькое, загорелое и сморщенное, как печеное яблоко; он беспомощно заморгал красными веками.

– Что ты, что ты, Чопполи! Да избавит нас святой Георгий от такого несчастья. Мы люди бедные, нанимались по уговору. Мессер Микельаньоло господин добрый и честный, он нас не обманет...

– Он-то не обманет, да его самого обманули, а ты знаешь, Грилло, что на папу суда нет и жаловаться некому.

– Да ведь папа любит хозяина; я слышал, что он вперед дал тысячу скуди.

– Что дано – истрачено, а больше не дает...

– Объясни же мне, Чопполи, что случилось. Ты лучше меня знаешь здешние дела.

– Неладно, Грилло. Черная кошка пробежала между папою и Микельаньоло.

– Кто же их поссорил?

– Браманте, архитектор собора. Знаешь, такой важный господин, тучный и лысый, ездит на белом муле в шелковой упряжи, и щедрый, никогда меньше не дает на выпивку, как по сольдо...

– Знаю, он мне наемни серебряную монету бросил на улице Банки за то, что я ему низко поклонился.

– Ну, вот, вот. Это, видишь ли, ловкий пройдоха, в одно ухо влезет, в другое вылезет. Он-то и роет яму нашему хозяину.

– А за что он его невлюбил?

Чопполи на минуту остановил молоток и с таинственным видом наклонился к уху товарища:

– За то и невлюбил, что тут, братец ты мой, дело нечистое. У Браманте губа не дура. Синьор щедрый и великолепный. Такие пиры задает, что и герцогу впору. Деньги ему всегда нужны дозареза. У жидов кругом в долгу, а привык, чтобы куры у него червонцев не клевали. Папу обманывает и разоряет казну. Здания возводит непрочно: говорят, лет через десять стены

трещины дадут. Папа на него не наладится, потому что скоро строит, – скоро, да неспоро, все на песке. А мессер Микельаньоло насквозь его видит, все шашни его знает. Микельаньоло человек правдивый и неподкупный. Браманте и боится, чтобы наш-то хозяин его не обличил, на чистую воду не вывел, и наушничает, и уверяет папу, что строить себе гробницу при жизни – дурная примета: значит, мол, смерть себе пророчит. Папа испугался, гробница ему опротивела, и денег больше не дает. Каменщиков, лодочников наняли, мрамору навезли гору, заварили кашу, а кто расхлебает – Бог весть... Я так полагаю, что еще не скоро ты вернешься в Лаванью, Грилло...

– Тише, тише, Чопполи, хозяин.

И они усердно принялись за молотки.

III

Сопровождаемый толпою подрядчиков: плотников, барочников, каменотесов, которые спорили, кричали, приставали, лезли со счетами, ругались, божились и требовали денег, подходил человек с уродливым и угрюмым лицом, в старой и пыльной одежде из черного бархата.

– Как вам будет угодно, мессере, – говорил главный подрядчик, – а мы больше ждать не можем. Мы, как честные люди, нанимались. Пожалуйте расчет.

– Ежели его святейшество... – пробовал возразить человек, осаждаемый толпою.

– Мы не к его святейшеству, а к вам, мессере...

– Я обещаю вам...

– Обещаниями сыт не будешь. Не за обещаниями мы пришли, а за деньгами. С голоду нам помирать, что ли?

– Не обижайте нас, синьор, – молили жалобные голоса, – мы вам правдою служили. Пожалейте, отпустите душу на покаяние.

– Слушайте, вот вам мое последнее слово, и оно твердо. Подождите до завтра. Я в последний раз схожу к папе, и если он не заплатит, я вам из собственных денег отдам все до последнего сольдо. Не бойтесь – за мною не пропадет. Я вас нанимал, я и заплачу, если бы даже мне пришлось заложить дьяволу душу и тело.

Молвив так, он повернулся и пошел к своему дому между глыбами мрамора по узкой дорожке, усеянной белыми осколками, которые хрустели под ногами, как плотный снег в морозный день.

Это был человек лет за тридцать, роста ниже среднего, крепкого и костлявого телосложения. Голова казалась громадною, борода была жидкая, черная и жесткая, такие же волосы, нижняя губа выступала вперед с выражением угрюмой надменности; вокруг некрасивого рта были злые, страдальческие складки; под редкими бровями маленькие серые, холодные, как свинец, широко расставленные глаза отгаликивали тех, кто с ним говорил, подозрительным и тяжелым взглядом. Но особенное безобразие придавал ему расплющенный нос. Во Флоренции, когда он был мальчиком, живописец Торриджани, человек грубого, зверского нрава, в драке, начавшейся из-за насмешек самого Буонарроти, кулаком раздавил ему носовой хрящ. Художник остался изуродованным на всю жизнь, сознавал это и мучился.

Подойдя к двери дома за церковью Санта-Катарина, Микеланджело постучался. Ему отперла старая служанка, стряпуха с засученными рукавами и подоткнутым платьем.

– Посланный от казначея был? – спросил он старуху.

– Не был. Погонщики мулов за деньгами приходили, кричали да ругались, я едва выпроводила.

В доме пахло чадом оливкового масла; приготовлялся обед для множества рабочих, плотников, мраморщиков, нанятых во Флоренции. Проходя в мастерскую, он с отвращением и скукою заглянул в большую комнату, наполненную постелями, скарбом, утварью, инструментами поденщиков, живших в доме. Теперь все эти люди остались у него на руках, и он не знал, что с ними делать.

В мастерской было тихо и светло. Он вздохнул с облегчением, почувствовал привычный приятный запах влажной глины и мраморной пыли. За деревянными подмостками белели грубые неясные глыбы, едва тронутые резцом, но глаз художника уже различал в них скрытые образы. Он взял резец, молот и сделал несколько ударов.

Работа не дала ему забвенья, – в сердце не было спокойствия. Он сошел с подмостков, приблизился к столу и начал пересматривать чертежи, планы злополучной гробницы, оказавшиеся теперь ненужными и бессмысленными. Среди них попался ему голубой тонкий лист бумаги: это был любовный мадригал единственной женщине, которая всю жизнь была верна

другому, как он был верен ей. Наивная, чувствительная надпись, достойная влюбленного мальчика, гласила на полях: «Delle cose divine se ne parla in campo azzuro. – О небесных вещах следует писать на бумаге небесного цвета».

Милые жалкие рифмы, затерянные среди унылых счетов лодочников и плотников. Улыбка озарила на мгновение его суровое, безобразное лицо.

Он взглянул в окно и по знакомой тени соседнего дома в переулке увидел, что солнце перешло за полдень. Надо было идти во дворец немедленно; в этот час папа кончал обед и его наверно можно было застать. Он посмотрел на свою одежду, запачканную во время работы, старую и пыльную, с истертыми локтями; на груди болталась пуговица, готовая оторваться, висевшая на тонкой нитке: служанка все забывала ее пришить. Люди считали его высокомерным и презрительным, но на самом деле ему достаточно было всякой мелочи, чтобы покраснеть и смутиться как школьнику. Он вспомнил с горечью, как недавно папа приходил к нему в мастерскую для простых дружеских бесед, тогда он не побрезгал бы его домашней одеждой. Ему стало досадно и противно вынимать из гардеробного шкапа свое единственное придворное платье голубого шелка с пышными разводами. Он поскорее собрал необходимые планы и счета и, уже заранее сердитый и мрачный, пошел во дворец как был, в старом камзоле.

Недалеко от бельведера, на веселой широкой лестнице, недавно построенной папским любимцем Браманте великолепно и непрочно, ему попался навстречу сам строитель, окруженный толпой льстивых поклонников и друзей. Архитектор возвращался от папы довольный, обласканный, – должно быть, получил много денег. Паж, тонкий и стройный, как молодая девушка, нес за ним большие свитки планов и чертежей. Браманте был одет и держал себя, как царедворец. Складки великолепной одежды, самоуверенная, почти юношеская осанка, умный взор живых глаз, мягкие седые волосы, обрамлявшие широкий голый череп, истинный лоб древнего мудреца Пифагора или Архимеда, придавали красивому старику выражение приятной и благосклонной важности. Он говорил с молодым епископом о своей новой кобыле, купленной у приезжего турка-барышника Мустафы, красавице, сводившей с ума всех наездников Рима. Потом обернулся он к собеседникам и стал приглашать их на ужин.

– Только что получены куропатки из Муджелло, и вы отведаете, друзья мои, нашего доброго ломбардского вина – Монтебриантино. Оно поспорит с лучшим корсиканским...

Браманте увидел всходящего по лестнице Буонарроти. Старик, сняв берет, с изысканной, несколько преувеличенной вежливостью поклонился молодому сопернику, который ответил холодным, сдержанным поклоном.

Микеланджело шел по бесконечным коридорам и галереям Ватиканского дворца: в то время они перестраивались; художник невольно любовался созданием соперника, легким, как светлый сон, изящным и непрочным: Буонарроти предвидел, что эти стены обрушатся лет через двадцать, если их не укрепить контрфорсами. Пахло сыростью новой штукатурки; всюду возвышались деревянные леса.

Он подошел к дверям, у которых стоял на карауле швейцарец с копьем и арбалетом. Внимательно посмотрел он в лицо Буонарроти, должно быть, не сразу узнав его, потом извинился и пропустил.

IV

Микеланджело вступил в обширную полутемную залу, служившую столовой папы; на сводах мерцали старинной позолотой фрески Джотто. Стены увешаны были драгоценными фландрскими коврами, аррацами с тусклыми, нежными, мягкими красками, с изображением языческих мифов – похищения Европы, смерти Адониса. Внизу по стенам шли скамьи с высокими точеными спинками из темного дерева.

Папа кончил обед и занимался делами. Секретарь читал депеши из Болоньи. Царствовала тишина. Кардиналы и немногие придворные, сидевшие за столом, переговаривались шепотом. В душном воздухе был тонкий запах обеденных пряностей. Слуги, приходя и уходя по знаку церемониймейстера, скользили неслышно, как тени. Придворный лейб-медик держал пузырек лекарства и осторожно отсчитывал капли в стакан вина, приготовленный для папы. У самых ног его святейшества, на шелковой, вытканной золотом, подушке, сидел странный юноша необычайной красоты, не то шут, не то вельможа, в полудетской, полуженской одежде, с белокурыми, длинными локонами, с прелестными, лукавыми глазами, в которых сияла нега. Он небрежно и тихо, так, чтобы не мешать деловому чтению, перебирал струны лютни. То был всемогущий баловень грозного Юлия, семнадцатилетний Ганимед² ватиканского Юпитера, сиятельнейший спальничий, камерьер Аккорзио, который обладал ключами от сердца папы так же, как папа обладал ключами неба.

Луч солнца скользил по столу, дробился в хрустальной чаше с недопитым вином, играл на майоликовом блюде, задевал серебряную белую бороду Юлия, которая выделялась на пурпурном бархате широкого папского наплечника, и сверкал в большом рубине перстня на исхудалой, бледной руке старика. Он сидел немного сгорбившись, опираясь обоими локтями на ручки кресла, отодвинутого от стола. Голый череп покрывала надвинутая на лоб бархатная скуфья такого же темно-красного цвета, как наплечник. Пороки и болезни оставили следы свои на этом изнуренном лице с ввалившимися щеками. Но тонкие губы все еще были сжаты с выражением неодолимого упорства, закоренелой привычки к самовластию, и под насупленными бровями в глубоких впадинах глаз светился огонь воли, не побежденной ни пороками, ни болезнями. Взор этих глаз был страшен, когда они сверкали гневом.

Микеланджело входил в столовую. Секретарь кончил чтение болонских депеш. Юлий заметил Буонарроти, бросил на него исподлобья быстрый, недовольный и скучающий взгляд. Художник понял, что пришел не вовремя; ни с кем не заговаривая, одинокий и надменный, остановился он у окна, ожидая очереди, как проситель.

К папе приблизился юркий, жирный, круглый, как шар, с грязными руками, болтливый старик, придворный золотых дел мастер. Он говорил о покупке драгоценных камней для украшения недавно заказанного Юлием креста к алтарю Сикстинской капеллы.

Папа, не слушая, закрыл усталые веки. Ювелир прекратил болтовню, думая, что папа уснул. Тогда Юлий открыл глаза и молвил сердито:

– Остались деньги?

– Нет, ваше святейшество, я истратил все, что было назначено. Осмеливаюсь просить ваше святейшество о прибавке: армянин Джем предлагает за дешевую цену два карбункула и смарагд, ежели ваше святейшество...

– Довольно, – с нетерпением махнул папа рукою, – говорю, довольно, отстань!

Ювелир переминался с ноги на ногу и хотел возразить, но папа крикнул:

– Убирайся к черту и помни, больше я не дам ни гроша, ни на малые, ни на большие камни...

² Ганимед – красавец юноша, похищенный орлом Юпитера и ставший его любимцем и виночерпием

Микеланджело понял, что значит это «большие камни», понял, что намек был обращен к нему.

Когда наступила очередь, он подошел к Юлию с чертежами, планами и счетами. Папа взглянул на них брезгливо:

– Некогда, – молвил он, зашевелившись на кресле, – приходи в понедельник.

– Святой отец, – возразил Микеланджело спокойным твердым голосом, – не угодно ли вам будет посмотреть эти счета? Рабочие требуют платы: по справедливости, нельзя им доле отказывать. Велите казначею выдать деньги, или я должен буду заплатить за мрамор для вашей гробницы из собственного имущества.

Юлий пристально, как будто удивленно, взглянул на Микеланджело. Художник, не потупившись, выдержал этот взгляд.

Все замерли в ожидании. Аккорзио, оставив мандолину, поднял голову с лукавым и веселым любопытством.

Юлий промолчал, только отстранил рукою положенные перед ним планы и счета, так что они упали на пол. Потом, не обращая на Буонарроти внимания, как будто забыв о нем, он поднялся с кресел; два молодых прелата подскочили и поддержали его под руки, третий подал ему палку и, опираясь на нее, быстрыми, еще бодрыми шагами папа направился к выходу из приемных зал во внутренние покои для краткого послеобеденного отдыха.

Буонарроти побледнел; судорога ярости исказила его губы. Чувствуя на себе насмешливые взоры пажей, лакеев и конюхов, он должен был наклониться, чтобы подобрать с полу упавшие бумаги.

V

Он вернулся домой и тотчас же написал своему старому флорентийскому другу, мессеру Бальдассаре Бальдуччи, который заведовал делами в римском банке мессера Галли, и попросил у него займы двести золотых имперских дукатов. В тревоге стал он ожидать ответа, с горечью думая о возможности отказа и новых унижений. Но, даже если бы Бальдуччи согласился, Микеланджело был разорен: чтобы заплатить долг, ему надо продать дом во Флоренции, в котором жили старый отец его и братья. Он вспомнил долгие годы лишений, которые добровольно терпел, чтобы обеспечить семью, вспомнил восемь месяцев, только что проведенных им в каменоломнях Каррары. Лихорадки, изнурительная работа то под жгучим солнцем, то под ледяными дождями едва не сломили его крепкого здоровья. Имея двух слуг и одну лошадь, в продолжение всего этого времени он ничего не получал от папы, за исключением насущного хлеба. Он не был скуп, но расчетлив, деловит, как истинный флорентинец, знал цену деньгам и отказывал себе во многом, мечтая о будущей независимости и спокойствии. Так он был воспитан в доброй честной семье, где с молоком матери передавалась привычка свято чтить свое и чужое имущество.

Наконец пришел посланный с ответом из банка. Бальдассаре Бальдуччи в краткой и любезной деловой записке обещал прислать деньги на следующее утро.

Микеланджело, успокоившись, опять взошел на подмостки и взял резец. Мало-помалу работа увлекла его. Статуя была одним из «Связанных Невольников», олицетворений искусств, которые должны были стоять на четырехугольных выступях мавзолея. Этими изваяниями художник хотел сказать, что смерть, похитившая Юлия, заковала в цепи искусства и лишила их надежды когда-либо найти подобного ему покровителя. Теперь художник без горькой усмешки не мог вспомнить этой аллегии. Не все ли равно? Предчувствуя, что гробница не будет окончена, он работал для себя, бесцельно и бескорыстно, не думая о папе. Он забыл про все. Удары молота были так сильны, что казалось, вся статуя разлетится вздрезбегу. Осколки мрамора сыпались дождем.

Приходила служанка и звала его ужинать; он не пошел, только взял кусок хлеба, торопливо съел его, не сходя с подмостков, и опять принялся за работу. Твердый камень становился все мягче, таял, как воск. Ваятель освобождал из-под каменной оболочки скрытый образ. Молодой невольник закинул голову с отчаяньем, все члены, все жилы и мускулы были напряжены в бесконечном усилии, чтобы порвать узы, которые врезывались в тело.

Художник оставил работу поневоле, когда наступили сумерки, засветил огонь и до поздней ночи просидел над любимой книгой, «Божественной Комедией», с которою никогда не расставался, так же, как и с Библией. В эту ночь написал он гордые стихи, посвященные Данте:

Dal mondo scese ai ciechi abissi

.....

Per' foss'io tal'ch'a simil' sorte nato,

Per l'aspro esilio con la virtute,

Darei del mondo il più felice stato.

.....

Из мира сошел он в темные пропасти,

Людям открыл вечные тайны,

Но подвиг остался без награды;

Неблагодарный народ не понял и отверг его.

И все же пусть бы я был таким: за его судьбу,

За его суровое изгнание и добродетель

Я отдал бы самый счастливый удел на земле.

Ночь начинала бледнеть, когда Микеланджело лег на жесткую бедную постель для недолгого отдыха, как он это часто делал, почти не раздеваясь, не снимая обуви.

Утром Буонарроти призвал лодочников, плотников, каменотесов и заплатил все, что был должен, до последнего сольди.

VI

В назначенный Юлием день, то есть в понедельник, пошел он опять во дворец. Ему сказали, что папа едет на охоту в Альбанские горы. Двор был полон веселых звуков рогов, лаем собак, криками доезжачих, шумом и трепетом соколиных крыльев. Микеланджело увидел издали, как Юлий, в странном для духовного лица охотничьем наряде, в больших ботфортах, в шляпе с перьями и кожаном панцире, подобный старому полководцу, сидел на великолепного коня. Аккорзио держал стремя. Папа казался оживленным и что-то на ухо говорил своему любимцу, который улыбался тонко и двусмысленно, что Буонарроти понял, что теперь Юлию не до мыслей о гробнице. Он пришел во вторник. Папа еще не возвращался с охоты. Пришел в среду и в галерее встретил знакомого секретаря, который предупредил его, что его святейшество в дурном расположении духа, так как из Болоньи нехорошие вести: он только что избил костылем епископа Анконского. Из приемной выходили придворные с растерянными лицами, и Микеланджело слышал, как французский посланник с улыбкой говорил своему собеседнику, упитанному, жирному и безмятежному капеллану:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.